

# Элеонора Мандалян

## Назад, в жизнь

*Мистическая драма*

### ГЛАВА 1

Рабочий день близился к концу, а высокое июньское солнце, начавшее уже не на шутку припекать, никак не желало спускаться к горизонту. На центральной, самой широкой аллее сквера мальчишки гоняли в футбол, путаясь под ногами прохожих. В интервалах между их азартными воплями можно было услышать щебет птиц в молодой листве и даже жужжание носившихся в воздухе насекомых.

На скамейке сидела молодая женщина. Углубившись в чтение, она машинально покачивала одной рукой детскую коляску. Ребенок захныкал. Отложив книжку, женщина склонилась над ним. И в этот момент на другой конец длинной парковой скамьи опустилась девушка — совсем еще юная, с пышными, отливающими темной бронзой волосами и с отрешенным взглядом больших, серо-желто-зеленых глаз.

К ее ногам подкатился мячик и, вертясь на месте, остановился.

— Эй! — бесцеремонно крикнул один из мальчишек. — Отбрось!

Взор девушки оставался безмятежно-отсутствующим, как у слепой.

— Оглохла что ли? — фыркнул мальчишка и, осуждающе косясь на «гордячку», сам направился к скамейке.

Ребенок в коляске умолк, видно снова уснув, и молодая мама, заметив девушку, обратилась к ней с просьбой:

— Пригляди за моим сыночком, а. Я только до киоска сбегая. За мороженым. Неохота с коляской тащиться. Могу и тебе прихватить, если хочешь.

Девушка вытянула шею и замерла, напряженно и недоверчиво глядя на женщину.

— Ты чего? — удивилась та.

— ...В...вы к...ко мне??. — одними губами пролепетала незнакомка.

— А то к кому же. Нас тут вроде бы как двое, не считая ребеночка. Так приглядишь?

Стараясь не выпускать женщину из виду, девушка бросила быстрый испуганный взгляд на свое платье, нервозно ощупала себя. И вдруг, прикрыв руками лицо, будто желая спрятаться от посторонних глаз, вскочила в неосознанном стремлении убежать. Но тело подвело ее, как если бы оно оказалось слишком тяжелым и

непослушным, и девушка упала на толченый кирпич аллеи, испачкав руки и колени. Мальчишки, прервав игру, так и покатались со смеху, тыча в нее пальцами.

— Да что это с тобой, милая? Ты как-будто не в себе. Могу я тебе чем-нибудь помочь? — растерянно пробормотала молодая мамаша, протягивая руку незнакомке.

Девушка отрицательно замотала головой, встала на четвереньки, силясь подняться, чем дала мальчишкам новый повод для потехи, и с невероятными усилиями оторвавшись наконец от земли, побежала на подгибающихся ногах, неуклюже вскидывая руки. Ей вдогонку неслись свист и улюлюканье.

Но с каждым новым шагом ее движения чудесным образом утрачивали комичную тяжеловесность и нескоординированность, становясь естественнее и легче, будто таяла невидимая ноша, придавливавшая и сковывавшая ее.

Свернув с аллеи, девушка нырнула в самую гущу высокого кустарника и только тогда остановилась, со счастливой улыбкой прислушиваясь к своему учащенному дыханию, к гулким и сильным ударам сердца. Окруженная тяжелыми гроздьями цветущей сирени, она осторожно прикоснулась к ним тонкими, нервно

вздрагивающими пальцами, втянула ноздрями дурманяще-пряный аромат и блаженно зажмурилась. Это юное создание являло собой сейчас ожившую картину Врубеля Сирень: темноволосая фея в сиреновом облаке цветов.

Она вся была как упругий, едва раскрывшийся полевой цветок, с которого утреннее солнце не успело еще испить капельки росы. Ее тонкое, устремленное ввысь тело, обретшее наконец легкость и изящество, трепетало от затаенных, ей одной ведомых чувств, отражавшихся на лице и постоянно сменявших друг друга.

Все еще недоверчиво обследовав свою нехитрую одежду, свою грудь, живот, руки и ноги, пригладив непокорную копну волос, она заставила себя вернуться на аллею и незаметно смешаться с прохожими. Теперь она походила на выбежавшую из леса лань, заблудившуюся в пугающе-шумном городе, где на каждом шагу ее могла подкарауливать смертельная опасность.

Ни насмешников-мальчишек, ни мамыши с коляской, к счастью, в сквере уже не было. Никто не задевал ее, не указывал на нее пальцами. Только встречные парни заглядывались на ее длинные стройные ноги, на сверкающий ореол летящих по ветру волос. Их взгляды приводили ее в смятение. Но она мужественно преодолевала желание спрятаться, убежать, готовая на любые испытания

ради достижения намеченной цели.

Взглянув на городские часы, девушка заторопилась. Она явно знала, чего хочет и куда идет. Она знала, что поставлено ею на карту, и оттого нервничала.

Ровно в 6.10, как она и ожидала, он появился на центральной аллее, по которой уже много лет ходил напрямик с работы домой. Он это тот, ради кого она здесь. Тот, важнее и дороже кого нет для нее в целой Вселенной. Она не столько увидела, сколько почувствовала его приближение. Расстояние между ними сокращалось с каждым шагом. В лице ее не было ни кровинки. Она вовсе не была уверена в успехе затеянного. Но одно знала наверняка: что не может, не имеет права проиграть.

Ему было всего тридцать пять, хотя выглядел он как уставший от жизни старик. Опущенные плечи. Потухший взгляд. Одет небрежно — выдавшие виды джинсы, растянутый на локтях пуловер, стоптанные кроссовки. Но для нее он в любом виде был и останется сказочным принцем, безудержно манящей мечтой.

Собрав все свое мужество, девушка шагнула ему навстречу. Даже не подняв головы, он обогнул ее, как какую-нибудь тумбу или дерево, и продолжил свой путь. Растерянно глядя ему вслед, она с отчаянием крикнула:

— Тигран! — И вздрогнула от давно забытого

звука собственного голоса.

Ее оклик подействовал как подножка. Он споткнулся, на мгновение замер и только потом медленно обернулся. Девушка нагнала его. Бархатные, цвета горького шоколада глаза смотрели выжидательно и равнодушно. Да, он наконец-то смотрел на нее. Но он ее не видел. Его взгляд был обращен в глубь себя. Она замешкалась, лихорадочно перебирая в уме слова, которые так долго, так тщательно готовила для этой их первой встречи и которые теперь, когда наступил долгожданный момент, вдруг все улетучились. Как задержать его? Чем объяснить свою дерзость?

— Слушаю вас, — ободряюще и в то же время чуть-чуть нетерпеливо проговорил он голосом таким же бархатным и глубоким, как его глаза.

От звука этого голоса сердце девушки сладко замерло. Но он даже не окинул ее взглядом, что сделал бы, пусть чисто автоматически, на его месте любой мужчина. Она не обиделась. Она знала, почему.

— Здравствуйте, Тигран... — С каким невыразимым удовольствием она снова произнесла вслух его имя. — У меня есть для вас одна потрясающая идея. — Девушка придала голосу легкость и непринужденность. — Уверена, она вас заинтересует. Не может не заинтересовать.

Он наконец соизволил удивиться:

— Для начала, откуда вы меня знаете? По-моему мы никогда прежде не встречались.

— Я видела оба здания, спроектированные вами в новом районе города. И ваши эскизы.

— А! — отмахнулся он. — Обыкновенный типовой проект.

— Но то, над чем вы работаете сейчас, требует совсем иного подхода, не так ли?

— Над чем я работаю сейчас? Вам и это известно! Вы бываете в Проектном институте?

— Бывала. И довольно часто наблюдала за тем, как вы работаете.

— Этого не может быть! — заявил он убежденно, слегка раздражаясь.

Девушка медленно пошла по аллее в направлении его дома, будто ненароком увлекая его за собой. Он машинально последовал за нею, размышляя над ее словами, пытаясь припомнить неприпоминаемое, и снова проговорил:

— Да нет же. Решительно я вас вижу впервые. А-а, кажется понял! Вы — стажерка из Архитектурного!

— Не мучайтесь понапрасну. Лучше давайте вернемся к тому, что у вас не получается. К проекту кинотеатра. Вы его забросили. А ведь это такой великолепный шанс сказать свое слово в архитектурном облике родного города.

— Вы новая секретарша нашего главного

архитектора! — осенило Тиграна.

Она отрицательно покачала головой.

— Конечно секретарша, — настаивал он. —

По возрасту вполне...

— Мой возраст... — грустно усмехнулась девушка. — Откуда вам знать его. Мне девятнадцать плюс вечность. Я несоизмеримо старше вас.

Он наконец увидел ее. В его изучающе-насмешливом взгляде промелькнуло любопытство.

— Да вы чудачка. Или мечтательница.

— Ну вот вы и дома.

— Вам даже дом мой известен?! Нет, вы не то и не другое, вы — агент иностранной разведки!

Оба рассмеялись.

— Пригласите меня к себе, — попросилась девушка. — Здесь, посреди улицы я не смогу объяснить вам свою идею.

— Забавное приключение, — пробормотал Тигран, не то ворчливо, не то озадаченно. — Что ж, заходите, коль не шутите. Только, боюсь, угостить вас будет нечем.

Можно было бы считать их знакомство состоявшимся, но оплошность, которую она допустила чуть все не загубила.

— Не беспокойтесь. Я знаю, от вас недавно ушла жена и вы не успели еще привыкнуть к



холостяцкой жизни.

— Ага! Вот теперь все сразу стало ясно! — воскликнул он, переходя на враждебно-агрессивный тон. — Вы подсланы моей бывшей женой разведать обстановку. Это вполне в ее стиле. Так вот откуда ветер дует! Как же я сразу не сообразил.

— Вовсе нет! — раздосадованно вспылила девушка, зардевшись от обиды. — Не стану лгать, я знаю вашу супругу не хуже, чем вас, но не имею к ней никакого отношения. Клянусь вам.

— Боже мой, сплошные загадки. — Помедлив, он все-таки открыл перед самозванкой дверь подъезда.

Они вошли в лифт. Сердце девушки тревожно и радостно замирало, как если бы они поднимались не в тесной дребезжащей кабинке, а взмывали в небо на воздушном шаре. Отпирая дверь своей квартиры, он сказал нарочито небрежно:

— На беспорядок не обращайтесь внимания. Гости у меня на сегодня не планировались. Если вы не шпионка, не агент и не наводчик, располагайтесь в гостиной. А я, так и быть, приготовлю вам кофе...

— Чай! — эмоционально воскликнула девушка, с детской мольбой во взгляде прижимая руки к груди. — Пожалуйста, чай! Целую вечность не пила горячего сладкого чая.

Он подозрительно покосился на нее и, ничего

не сказав, отправился на кухню. Оставшись одна, девушка обвела комнату торжествующим взглядом — ей удалось-таки проникнуть в эту заветную обитель. Она провела пальцем по столу — на полированной поверхности остался блестящий след. Повсюду лежала пыль. Девушка, не задумываясь, извлекла из укромного уголка за шкафом пылевую тряпку и старательно стерла ее. Затем взбила и разложила по местам сваленные в кучу диванные подушки. На кресле валялся спортивный костюм, служивший хозяину домашней одеждой. Она отнесла его в спальню. Любовно разгладила и застелила разобранную постель.

Случайно натолкнувшись на свое отражение в трюмо, девушка отпрянула так, будто увидела там притаившегося грабителя. Опасливо протянула вперед руку и стукнулась о невидимую преграду. Не спуская пристального взгляда со своего отражения, снова, как в сквере, ощупала тело, лицо, одежду. Намотала на палец упругую прядь волос и подергала ее, будто проверяя на прочность. Искусственно улыбнулась себе, желая удостовериться то ли в белизне и ровности, то ли в самом наличии зубов. Приблизив лицо к зеркалу, заглянула в свои зеленовато-рыжие, будто зацветший по весне омут, глаза. Глаза, которые удивительным образом меняли цвет в зависимости от освещения и того, что в них отражалось.

Погруженная в самосозерцание, девушка на какое-то время забыла где она и зачем. Но, спохватившись, поспешила назад, в гостиную, бросив через плечо последний взгляд на свое отражение. Вернувшийся с подносом Тигран застал ее прилежно сидящей в кресле с таким видом, будто за все время его отсутствия она оттуда и не вставала.

— Я заставил вас поскучать. Извините, не сообразил включить телевизор. — Он не признался ей, что просто стоял у плиты перед долго не закипевшим чайником, пытаюсь в одиночку разгадать, кто его неожиданная гостья и зачем пожаловала. — Пейте, пока горячий.

Он расставил перед ней на журнальном столике незатейливое угощение и с удивлением наблюдал, с какой опаской тянула она тонкие, вздрагивающие от волнения пальцы к самому обыкновенному стакану.

Соприкоснувшись с горячим, девушка инстинктивно отдернула руку, и лицо ее озарилось счастливой улыбкой. Очень осторожно и бережно она взяла стакан, обняв его ладонями как нечто драгоценное, поднесла ко рту, тронула губами окутанный прозрачным паром напиток и бросила виновато-тревожный взгляд на Тиграна, словно опасаясь выдать себя и свою тайну. И наконец, не заботясь уже ни о чем, стала жадно пить.

— До чего ж хорошо. С ума сойти можно, — промурлыкала она в паузе между глотками.

Тигран, не моргая, смотрел на нее.

— Назовите хотя бы свое имя, моя таинственная незнакомка.

— Ах, на что вам мое имя. Оно давно утратило смысл.

— Уж не сбежали ли вы из дома, глупая девочка?

— Сбежала?.. Из дома?.. — Незнакомка задумалась, взгрустнула и уклончиво ответила: — Пожалуй. В некотором роде...

— Ну хорошо, ваша личная жизнь меня, естественно, не касается. Но должен же я как-то обращаться к вам, раз уж вы у меня в гостях.

— Зовите меня... Одиль.

— Придумала на ходу! — Уличив ее в несерьезности, он мгновенно перешел на «ты». — Надо же, Одиль! А попроще нельзя было? Маша, Роза, Катя, например...

— Мне с детства нравилось это имя. А тебя... — Она последовала его примеру с возмутительной легкостью и непосредственностью: — Тебя я буду называть Фауст.

— Однако... — озадаченно пробормотал он, начиная жалеть, что столь опрометчиво привел неизвестно кого в свой дом. — Послушай!..

— Одиль, — услужливо подсказала она, делая

вид, что не замечает агрессивности в его тоне.

— Ладно, пусть будет Одиль. Какая мне, в сущности, разница. Ты разыгрываешь меня, да? Кто ты? Что ты от меня хочешь? Отвечай!

— Опять за свое! — расстроилась девушка. — По-моему ты сам во всем прекрасно разобрался. За такой короткий срок я побывала в твоих глазах стажеркой, секретаршей, чудачкой, мечтательницей, шпионкой, агентом иностранной разведки и наводчицей. Выбери уж что-нибудь одно, а я под этим подпишусь.

Неожиданно для самого себя он расхохотался.

— И впрямь получилось многовато для одного, такого юного существа. Не сердись.

Девушка в ответ озарилась вся изнутри:

— А я и не думаю сердиться. Ну а что я хочу, я сказала сразу же, еще в сквере — показать тебе наилучший вариант решения твоего проекта. Но для этого мне нужны карандаш и бумага! Не могу же я объяснять на пальцах.

Он никак не мог определиться, злиться ему или забавляться. А сейчас, после ее нового безапелляционного заявления, ему не только захотелось добавить к перечню упомянутых эпитетов еще и такие, как шарлатанка, аферистка, чокнутая, но и взять за шкирку этого наглого, приبلудного котенка и вышвырнуть ее за дверь. Лишь одно удерживало его, интриговало, сбивало с

толку, заставляя вести себя осмотрительно — ее необъяснимая осведомленность в его делах и личной жизни.

Не сказав ни слова, он медленно поднялся, принес и положил перед ней то, что она требовала, и даже резинку впридачу. Затем снова сел напротив и, подперев голову руками, приготовился терпеливо ждать.

— Я набросаю только общий вид, со стороны фасада. А детали ты уже разработаешь сам, — с невозмутимой деловитостью заявила она, берясь за карандаш.

Его глаза, устремленные не на бумагу — на самозванку, сузились от еле сдерживаемого негодования, а губы, его выразительные, чувственные губы, плотно сжались. Если бы она сейчас взглянула на него, ей вряд ли удалось довести начатое до конца. Но девушка, не поднимая головы, самозабвенно рисовала. Задумывалась на мгновение, закрывая глаза, словно уносясь куда-то, и рисовала снова — карандаш легко летал по бумаге, а на лице не было и тени напряжения.

— Ну вот, примерно так. — Она протянула ему листок ватмана. — Конечно, на скорую руку трудно передать сразу все, что хотелось бы. Но если что-то будет неясно, я могу объяснить на словах или детальнее прорисовать. Я отлично представляю себе мельчайшие подробности всех интерьеров и

экстерьеров и могу помогать тебе на любом этапе работы.

Тигран машинально принял из ее рук набросок, думая только о том, чтобы сдержаться и не вспылить, скользнул по нему холодным взглядом... всмотрелся повнимательнее... уронил листок на стол и, сжав пальцами виски, уставился на него. Девушка напряженно наблюдала за ним. Наконец он оторвался от созерцания наброска и вперил отяжелевший взгляд в Одиль.

— У кого ты это украла? — гневно проговорил он сквозь стиснутые зубы.

— Ну знаешь! — впервые оскорбилась она.

— Отвечай! Девчонка твоего возраста не может сама придумать такое... такое лаконичное, гармоничное, монументальное и чисто архитектурное решение. С таким знанием дела и с такой легкостью. Для этого нужен могучий талант и соответствующая профессиональная подготовка. Чтобы вот так — небрежно, играючи — сделать эскиз, ты должна была бы знать столько, сколько знать ну никак не можешь... даже если ты гений.

— Нехорошо, Фауст. Так нечестно, — укоризненно проговорила она. — Я очень старалась найти самое лучшее решение проекта, которое мучило тебя несколько месяцев, мне так хотелось помочь тебе. А ты набрасываешься на меня, обижаешь. Это твоя благодарность?

— Я с семнадцати лет занимаюсь проектированием. Проштудировал тонны литературы, но мне, признаюсь честно, не под силу такое. Ты можешь это понять?

Девушка вздохнула глубоко и радостно:

— Значит, тебе понравилось. Я так счастлива!

— Нет, она определенно решила свести меня с ума! — Он попытался изменить тон, заговорив с ней, как с ребенком или душевнобольной, мягко и вкрадчиво: — Расскажи мне... Одиль, где ты это взяла, где подсмотрела. За границей? В чьей-нибудь мастерской? Может у тебя папа или дядя архитектор?

— Ладно. Ты прав, — нехотя откликнулась девушка. — Конечно же это придумала не я. Просто у меня хорошая зрительная память и я неплохо рисую... Рисовала. Когда-то. Очень-очень давно... — Ее мысли умчались в одной ей ведомое прошлое. Но, заставив себя вернуться, она закончила: — Я долго искала. Там было много других проектов. Но мне особенно понравился этот.

— Где? Где там? — настойчиво допрашивал Тигран.

— Есть такое место... или пространство, не знаю, где собраны все идеи и открытия — настоящие, прошлые и будущие. Ты не беспокойся, ни такого здания, ни такого проекта пока что в природе не существует. Не исключено, что я



подсмотрела твой собственный будущий проект в его реализованном виде.

— Да как же ты могла его увидеть, если он, по твоим же утверждениям, «будущий»?! — простонал Тигран, хватаясь за голову в бессильном стремлении что-либо понять.

— Считай, что это случилось со мной во сне. Ведь так бывает, правда, когда о чем-нибудь очень долго и настойчиво думаешь?

— Ты хочешь сказать, что «очень долго и настойчиво» думала о моем проекте?

Она лишь неопределенно пожала плечом.

— Сумасшедшая... Ты просто сумасшедшая. Рехнуться с тобой можно! — Он нервно рассмеялся.

— Вот и славно. Получится двое сумасшедших. Я рада, что мои старания не пропали даром. Ведь я действительно очень старалась, честное слово... А теперь мне пора.

— Куда!?. — непроизвольно вырвалось у него. Он осекся. — А говорила, сбежала из дома.

— Я этого не говорила.

— Да, да... — Он тер виски, тщетно пытаясь привести себя в чувство. — Я провожу тебя, таинственная незнакомка по имени Одиль.

— Не надо. — Решительно поднявшись, она направилась к выходу.

— Понимаю. Ты исчезнешь, испаришься, едва

скроешься за дверью.

Она бросила на него быстрый, тревожный взгляд.

— Не боишься одна? Уже стемнело.

— Темноты не существует. Темнота — обман твоего и моего зрения, скрывающий дивный свет.

Они стояли друг против друга на лестничной площадке в ожидании лифта.

— А почему ты окрестила меня Фаустом? Разве я продал душу дьяволу?

— Ты прав. Это имя больше подошло бы мне. Но, к сожалению, оно мужское. — Девушка задумчиво усмехнулась. — Дьявол... Сатана... геенна огненная — все это выдумки беспомощного в своем неведении человека. Прощай!

Она вошла в лифт и, не взглянув на Тиграна, нажала на кнопку. Старый обшарпанный лифт с металлическим лязгом захлопнулся, как капкан, и начал медленно падать, дребезжа и вибрируя.

— Да куда же ты, черт тебя побери!?! — донесся досадливый возглас сверху. — Как тебя найти?

Девушка не ответила и с ликующим сердцем растворилась в ночи.

## ГЛАВА 2

Но стоило ей оказаться на улице, и счастливая

улыбка, игравшая на ее губах, растаяла. Хотя темные пустынные улицы устраивали девушку куда больше, чем заполненные людьми, в ее взгляде появилась растерянность. Она огляделась по сторонам, пытаясь принять решение, в каком направлении ей лучше пойти, и, помедлив, побрела наугад, выбирая затененные от фонарей участки.

Громады домов зазывно и насмешливо смотрели на нее сотнями по-волчьи светящихся в ночи глаз. Там, в их оранжево-желтом уюте, гнездились люди, семьями, парами. Они вместе ужинали, пили чай, делились событиями минувшего дня, готовились к дню следующему. Удобно расположившись в мягких креслах, читали книжки, газеты, смотрели телевизор. Ссорились, мирились, любили друг друга. Кто-то сейчас сидел в кинозале или в театре, кто-то отплясывал на дискотеке. Иные глотали таблетки на больничной койке, мечтая поскорее вернуться домой. Рожденные творить, создавали свой собственный мир в тиши кабинетов и мастерских. Женщины рожали детей, нянчили их, кормили грудью, наслаждаясь великим счастьем материнства. Жизнь, коварная и бесчестная, спряталась от нее за квадратами чужих окон, отгородилась бетонно-каменными стенами, оставив ее одну на безлюдной, неприветливой улице. Одну во всей Вселенной.

Вдалеке слышались мужские голоса. Выходит, не одна она бродит в ночи. Почувствовав опасность, девушка бросилась к ближайшему подъезду, но он оказался заперт. Прижавшись спиной к холодной стене, она затаилась в густой тени подворотни. Голоса неотвратимо приближались. Трое громко спорящих, явно подвыпивших парней прошли мимо. Выждав немного, девушка покинула свое укрытие и собралась продолжить путь. Но тут один из парней оглянулся, заметил одинокую девичью фигуру и, тыча в нее пальцем, заорал:

— Братцы-охотники! Смотрите-ка, дикая козочка!

— Эй, красотка! — присоединился другой. — Ты, часом, не ночная бабочка?

Поспешно свернув в ближайший в переулок, девушка прибавила шагу. Сердце ее гулко и тревожно колотилось.

— Стой, когда с тобой разговаривают соловьи-разбойники! — За окриком последовал молодецкий залихватый посвист.

Тот, что первым заметил «дикую козочку», видя что она ускользает, принялся подначивать дружков:

— Ату ее, охотнички! Ату!

Все трое пустились за ней вдогонку. Топот бегущих ног быстро нарастал. И по мере их

приближения растерянность и испуг на лице девушки уступали место жесткой и спокойной уверенности. Понимая, что укрыться от преследователей негде, она остановилась и обернулась, чтобы не принять опасность спиной. Добежав до нее, парни рассредоточились полукругом, отрезая ей путь к отступлению. Один из них — белобрысый, здоровенный детина с втянутой в плечи маленькой головой, растопырив лапищи, пошел на нее:

— Ну иди сюда, моя козочка, — хрипло ворковал он: — Иди, побалуемся. Гули-гули-гули...

Его дружки плотоядно и хамски загоготали, уже не сомневаясь, что добыча у них в руках.

Слегка наклонив вперед голову, девушка исподлобья смотрела на белобрысого. Это был тяжелый, застывший взгляд. Детина уже готов был сгрести ее в охапку, но промахнулся, проскочил мимо и с размаху врезался в фонарный столб, крепко обхватив его. Воя от боли в разбитом носу, он силился разнять руки и не мог.

— Держи крепче! — строгим голосом наказала девушка, пряча улыбку. — До утра держать будешь.

Его дружки, не сообразив еще, что происходит, бросились к заблудшей «козочке», и оба во всю длину растянулись у ее ног.

— Там камушки на асфальте, — подсказала

она. — Много драгоценных камней. Ищите хорошенько. Вон их сколько. Вам всех и не собрать.

Парни принялись елозить на четвереньках по тротуару, старательно собирая воображаемые камни. Их лица при этом выражали алчный восторг и нетерпение. Они хватали с асфальта полные пригоршни воздуха, запихивая его в карманы, за пазуху и даже в рот. Соловей-разбойник, обнимавший столб, глухо подвывал, извиваясь всем телом. Его руки сцепились так крепко будто их намазали клеем или дегтем.

— Чтоб впредь не повадно было, — весело бросила им девушка и беспрепятственно продолжила свой путь.

Теперь она шла не оглядываясь, твердо зная куда идет. Она спешила. Однако по мере приближения к намеченной цели поступь ее замедлялась, становясь менее уверенной. На пути встали новостройки. Но они не могли обмануть девушку. Обогнув типовую пятиэтажку, она юркнула в узкий проход между облицованными бело-голубым кафелем стенами и оказалась в закрытом со всех сторон дворе. Здесь, стыдливо спрятавшись за густыми кронами узловатых деревьев-старожилов, чудом сохранился такой же старенький одноэтажный домишка. К нему-то и направилась девушка, вздрагивая и прячась в

черных провалах теней при каждом подозрительном шорохе.

Ночь стояла безветренная, таинственно-тихая. Было довольно прохладно, но девушка не ощущала холода и не могла понять, почему в разгар лета все окна плотно закрыты. Внутри было темно, отчего дом казался монолитной бесформенной глыбой. Нет, не ночь пугала ее, не недвижные, вырубленные из сказочного черного камня деревья, а возможность встречи с теми, с кем встречаться ей было нельзя.

Стараясь не производить шума, она осторожно приблизилась к дому и, встав на цыпочки, заглянула в окно. К ее разочарованию и облегчению одновременно, занавески были плотно задернуты. Она подошла к другому окну, потянула на себя створку — безрезультатно. Девушка обошла все окна, так ничего и не добившись. Где-то поблизости, а может и вдалеке — все звуки в гулкой ночной тиши кажутся ближе и громче — хлопнула дверь. Девушка отпрянула, как испуганная лань или застигнутый на месте преступления воришка, и бросилась наутек.

Она бежала долго, не разбирая дороги. Сердце неистово колотилось, но она не остановилась до тех пор, пока окончательно не перехватило дыхание.

Отдышавшись и немного придя в себя, девушка забралась в первый попавшийся двор,

тихий и черный, как все вокруг, отыскала укромное местечко среди жестких стеблей садовых цветов и свернулась там жалким комочком.

Ей очень хотелось, смакуя и анализируя каждую прожитую минуту, мысленно вернуться к событиям минувшего дня, таким значительным для нее, таким невероятным, но волнения и усталость сделали свое дело, и она мгновенно уснула.

Однако и сон ее не был безмятежным. Девушку тотчас начали терзать кошмары: Стремительное падение в никуда... Искаженное ужасом и болью лицо мужчины. Страшный в своей нечеловеческой пронзительности женский крик — ее собственный крик. Тщетно силясь проснуться, она стонала сквозь стиснутые до скрежета зубы, металась, подминая под себя цветы, и наконец затихла.

### **ГЛАВА 3**

Скрипнула дверь. Девушка испуганно распахнула глаза. Солнце светило весело и приветливо, протягивая сквозь листву косые, еще мутные со сна лучи. На крыльце дома, выпятив круглый голый животик, стоял мальчуган с зажатым в кулачке горшком. На нем была только короткая, замявшаяся в гормошку рубашонка. Он спустился босиком в сад, ища место, где бы



пристроиться. Заметив в цветах девушку, удивленно уставился на нее круглыми пуговками глупеньких глаз, часто-часто заморгал и вдруг разразился громким ревом.

Непрошенная гостя вскочила, заметалась по двору в поисках выхода. На плач ребенка появилась заспанная женщина в ночной сорочке. Девушка успела спрятаться за стволом дерева.

— Господи, опять удрал! В такую-то рань! Ну что мне с тобой делать! — напустилась на малыша женщина, звонко шлепнув его по голенькому задку. — А ну марш в постель. Живо!

Насильно увлекаемый матерью в дом, малыш не переставал реветь и все смотрел и смотрел, выворачивая шею, в ту сторону, где пряталась незнакомка. Как только дверь за ними закрылась, девушка выбралась из сада, отряхнула платье и нехотя побрела наугад вдоль безлюдной еще улицы.

К полудню ей ужасно захотелось есть, но у нее не было при себе ни денег, ни сумки. Как назло, на каждом шагу попадались то рестораны, то кафе, дразнившие ароматами. Девушка мужественно проходила мимо. Но в конце концов не выдержала и решительно шагнула в очередное, попавшееся на пути кафе.

В просторном, красиво оформленном зале почти никого не было. Молоденькая официантка, обслуживавшая пожилую пару, обернулась к

вновьвошедшей так резко, будто ее окликнули по имени, и, забыв о своих клиентах, поспешила к ней.

— Добрый день. Проходите пожалуйста, — лучезарно улыбнулась она. — Где вам будет удобнее?

— Вон там, в уголочке, если можно. — Девушка подбородком указала на столик, наполовину скрытый кадкой с ветвистым фикусом.

— Разумеется можно, дорогуща, — ворковала официантка, провожая гостью к столику. — Очень уютное местечко. Вот, пожалуйста, меню.

— Не надо меню, — прервала ее девушка и безапелляционным тоном начальника, диктующего указ машинистке, проговорила, неотрывно глядя ей в глаза: — Горячий чай, сыр, омлет с ветчиной и тостами, оладьи со сметаной.

— Собственно говоря, время завтрака уже закончилось, а омлета с ветчиной вообще нет в нашем меню, — несколько смешалась белокурая, веснушчатая официантка. — Но для вас... Я постараюсь что-нибудь сделать. — И, не обращая внимания на раздраженные взгляды покинутой ею пожилой пары, она поспешно скрылась за резной перегородкой, отделявшей кухню.

Не прошло и четверти часа как перед девушкой появился завтрак, именно в том виде, в каком она его заказала. Окинув содержимое тарелок ликующим взглядом, она без промедления

приступила к трапезе, уничтожая все подряд и жмурясь от удовольствия. Утолив первый нестерпимый голод, она стала есть совсем медленно, подолгу задерживая во рту каждый кусочек, стремясь прочувствовать его вкус и те ощущения, которые он ей дарил.

Наспех покончив с заказом двух других своих клиентов, официантка прислонилась спиной к стене и так стояла, не шелохнувшись и не спуская глаз с юной посетительницы все то время, что та завтракала. На ее лице застыло выражение умильного раболепия, явно ей не свойственного.

Промокнув губы салфеткой, девушка наконец поднялась и неспеша направилась к выходу. Официантка последовала за ней.

— Спасибо. Все было очень вкусно, — бросила через плечо девушка.

И услышала в ответ:

— Заходите еще. Будем очень-очень рады.

Официантка проводила ее до самого выхода и долго глядела ей вслед с тем же подобострастием на лице. Прежде чем скрыться из виду, девушка обернулась и помахала ей на прощание рукой.

Определив по городским часам, что до заветных шести еще уйма времени, она заметно помрачнела. Ей не хотелось бесцельно слоняться по улицам, выставляя себя напоказ. Даже мимолетные взгляды прохожих смущали ее. Она шла

странноватой семенящей походкой, вздрагивая всем телом от гудков автомобилей, скрежета тормозов или чых-то громких возгласов, шла так, будто в любую минуту готова была вскинуться и умчаться без оглядки. Только вот куда?

И в то же время на лице ее блуждала изумленно-счастливая улыбка. Широко раскрытыми глазами она впитывала все, что ее окружало — самые обыкновенные дома, цветы и деревья, вечно спешащих куда-то людей. Но больше всего ее привлекали дети, шумные и суетливые, жизнерадостные и беззаботные — семенящие за ручку с папой и мамой, гоняющие на газоне мяч, проносящиеся мимо на самокате или велосипеде. Будучи не в силах оторвать глаз от пухлого, розовощекого карапуза, удобно устроившегося на материнских руках, девушка, как зачарованная, пошла следом. Если бы ее не остановил настороженно-удивленный взгляд матери, неизвестно, сколько бы она так за ними шла.

Бесцельно кружа по городу, девушка оказалась у ворот кладбища. На лицо ее, словно тучка, набежала тень. Первым ее пожеланием было поскорее уйти отсюда. Но тут она заметила молодых людей, выходящих с кладбища. Девушка забеспокоилась, метнулась в одну сторону, в другую. Увы, укрыться было негде. А те шли прямо

на нее.

Она поспешно присела, пригнув голову и сделав вид, что поправляет или застегивает босоножку. Компания из двух девушек и трех парней, поравнявшись с ней и не обратив на нее внимания, прошла мимо.

— Степка, а почему ты всегда приносишь только белые ромашки? — услышала она вопрос одной из девушек, обращенный к понурому долговязому юноше.

Услышала и, не удержавшись, последовала за компанией, стараясь не попасть им на глаза, но одновременно и не пропустить ни слова из их разговора.

— Потому что она их очень любила, — хмуро ответил юноша.

— По-моему, она любила все белые цветы, — настаивала черноволосая девушка. — Белые розы, калы, белые лилии. Даже белые колокольчики.

— Возможно. Но ромашки особенно.

Некоторое время все подавленно молчали. Тот, кого называли Степой, держался чуть в стороне от остальных. На его светлом, еще по-детски чистом лице пролегла меж бровей преждевременная скорбная складочка.

— Ну вот что, ребята! Хватит хандрить, — сказал один из юношей, и девушки тотчас поддержали его. — Пошли-ка лучше в кино.

— Конечно идите. Только без меня, — отозвался Степа. — Я не хочу.

— Не выдумывай! Мы пойдем, как всегда, все вместе. Или не пойдем вовсе. — Для надежности, чтоб не вздумал сбежать, девушки с двух сторон подхватили Степу под руки. — Французская комедия. Хоть немного развеимся.

— Это так необходимо? — мрачно осведомился Степа.

— Совершенно необходимо, — ответили ему. — Тебе особенно.

Дойдя до кинотеатра, друзья взяли билеты и прошли в зал.

Девушка, тайком следовавшая за ними, замешкалась. Потоптавшись на месте, собралась было уйти, снова вернулась, тоскливо наблюдая за людьми, толпившимися у билетной кассы. И, наконец решившись, смело пошла прямо на билетершу.

— Ваш билетик! — окликнула ее полная пожилая дама.

С невозмутимым видом девушка выставила ей под нос пустую ладошку.

— Проходите...

Зрительный зал был наполовину пуст, и она не спешила войти, хотя интересовавшая ее компания уже успела занять свои места. Побродив по фойе, юркнула в туалет. Долго, с наслаждением

плескалась в раковине, освежив холодной водой руки, лицо, шею. Наполняя до краев сомкнутые лодочкой ладони, она погружала лицо в воду, фыркала и радостно, по-детски смеялась.

Ярко накрашенная девица, прихорашиваясь перед зеркалом, косилась на нее с презрительно-опасливым осуждением, не без оснований полагая, повидимому, что только сумасшедшая может так самозабвенно плескаться в общественном туалете более чем сомнительной чистоты. И, проследовав в кабинку походкой дешевой манекенщицы, в сердцах лязгнула задвижкой.

Как только в зале погасили свет, девушка пробралась меж рядами и устроилась позади привлекавшей ее компании. Обе пары сидели в обнимку. Печальный юноша безучастно глядел в экран. Они обменивались жвачками, конфетами, репликами. И наконец, увлекшись перипетиями замысловатого сюжета, затихли, лишь время от времени шумно реагируя на остроумные проделки и шуточки героев.

Ту, что сидела позади них, не интересовал фильм. С грустной и доброй задумчивостью наблюдала она за целующейся парой. И особенно за неприкаянным юношей, таким одиноким и несчастным, что ей хотелось приласкать его, утешить, ободрить.

Не дожидаясь окончания фильма, она тихонько поднялась и покинула темный зал. Очутившись на улице, девушка болезненно зажмурилась — небо обрушило на нее свою пронзительно-яркую голубизну. Привыкнув к свету, она попыталась отыскать городские часы и, не найдя, рискнула обратиться к прохожему.

Пожилой мужчина, как подбитая птица, передвигался вдоль тротуара шаткой, неровной походкой, при каждом втором шаге тяжело наваливаясь на трость. На его тощей руке поблескивали большие, старомодные часы.

— Простите, — робко окликнула его девушка. — Можно у вас узнать время?

— А как же! — улыбнулся прохожий. — Да я, можно сказать, с самого утра только о том и мечтаю, чтобы такое вот очаровательное создание спросило у меня, который час.

Приветливый старичок подслеповато всматривался в циферблат, его голова при этом едва уловимо подрагивала. Но тут девушка вдруг начисто забыла, чего она ждет. В ее расширенных, разом опустевших, как у незрячей, глазах застыл ужас. Она увидела старика на пороге его холостяцкой, еще дымящейся, но уже до тла сгоревшей квартиры. Увидела, как он, ловя ртом воздух, хватается за сердце, и, потеряв равновесие, с грохотом катится вниз по лестнице, к ногам



покидавших поле сражения пожарников.

Старик поднял голову и с той же доброй улыбкой скрипуче сообщил:

— Без пяти шесть, милая барышня.

— Идите скорее домой! — взволнованно крикнула ему девушка.

Он удивленно поднял бровь.

— Так я и иду. Вот только скорее не могу. — Он указал на свою палку. — А что такое?

— Вы оставили на плите чайник включенным. А рядом полотенце. Оно уже начало тлеть...

— Ай, я старый дурень! — Он хлопнул свободной рукой себя по лбу. — И то правда, такое со мной случается. Погоди-погоди, а ты откуда знаешь? Неужто я и дверь не закрыл?

— Дедушка, миленький! Надо спешить! А то будет поздно.

— Да не могу я спешить. Куда мне. Проклятый артрит...

Она попыталась успокоить мечущиеся мысли. Ведь у нее совсем не было времени. Через несколько минут Тигран выйдет с работы.

— Где вы живете?

— Вон в том доме, через дорогу. На шестом этаже.

— Подъезд? Квартира? Скорее!

— Второй подъезд. Квартира сорок третья... — растерянно, почти машинально отвечал

старик.

— Давайте сюда ключи!

И, выхватив из трясущейся руки связку ключей, она помчалась, не обращая внимания на гудевшие машины, через дорогу. Не дожидаясь лифта, взлетела на шестой этаж. Ключ удалось подобрать не сразу.

Тесная, захламленная ящиками и зимней одеждой передняя, комната с узкой, небрежно застеленной кроватью и громоздкой мебелью, в покоем на тамбур коридорчике две двери — одна в ванную, другая на кухню...

Так и есть! До отказа вывернутый рожок, на нем потрескивает давно выкипевший чайник. Полотенце уже почти догорело. Огонь принялся за угол примыкавшего к плите дубового столика.

...Когда нерадивый хозяин квартиры, добравшись до дома, показался в дверях, девушка уже сушила тряпкой пол.

— Пришлось вылить на стол пару кастрюль воды, — извиняясь сказала она. — Вот. Вытираю.

Старик подошел к плите, окинул взглядом следы начинавшегося пожара и, растерянно пробормотал:

— Да как же ты об этом узнала, детка?

— Понятия не имею, дедушка, — улыбнулась она. — Да и какое это имеет значение. Главное, что все обошлось. Знаете, у моей бабушки был склероз

и она тоже все забывала. Так она прикрепила у входной двери себе записку: «Проверь газ!». И, представьте, помогало.

— Прекрасная идея, — обрадовался старик. — Непременно воспользуюсь. И над кроватью вторую прицеплю, а то бывает, у меня газ всю ночь горит... Постой! Куда же ты? — воскликнул он, заметив, что незнакомка направилась к двери. — Мы сейчас с тобой чайку попьем.

— Спасибо, дедушка. Не могу. Спешу очень. Да и чай вам пока пить не из чего. Чайник-то сгорел. Новый покупать придется.

— Еще чего. Я этот отдраю. Не впервой. Погоди, у меня тут коробочка конфет припасена. Вкуснющие.

Достав из буфета бонбоньерку, он с кряхтением распрямил спину, обернулся:

— Вот, угощайся...

В кухне никого не было.

## ГЛАВА 4

Поникшая и несчастная, девушка бесцельно бродила по аллеям сквера, в котором вчера впервые рискнула окликнуть Тиграна по имени, в котором он впервые увидел ее. Городские часы показывали без четверти семь.

В голове, как птица в силках, трепыхалась

неотступная, причинявшая почти физическую боль мысль: Пропустила! Я его пропустила. Да как же могло случиться с ней такое, когда ожиданием новой встречи была пропитана каждая минута последних суток! О, если бы только суток! Без него всё, абсолютно всё теряло для нее смысл. Теряло смысл само возвращение и принесенная жертва. Что ей делать теперь? Куда деваться? Ах, мне не следовало ходить в кинотеатр и торчать там почти до конца фильма, тогда бы...

— Одиль?.. — неожиданно раздался позади безумно родной голос. — Ведь это ты? Я не ошибся?

Прижав руки к груди, она блаженно зажмурилась. И осветившись вся, будто внутри нее зажглась электрическая лампочка, да что там — мощный прожектор — порывисто обернулась.

— Это ты, — выдохнул он облегченно. — Как же я боялся, что никогда уж тебя не увижу.

Она так и стояла с прижатыми к груди руками и молча смотрела на него, не смея перевести дыхание.

— Ты, как летающая тарелка. Мелькнула, перевернула все вверх дном и исчезла.

— Разве? — улыбнулась она, обретая, наконец, дар речи. — По-моему, я чинно и прозаично спустилась на лифте у тебя на глазах.

— То был обман зрения. Ты меня заколдовала,

а на самом деле выпорхнула в окно, — улыбнулся он. — И даже не сказала, когда появишься снова.

— Ты хочешь сказать, что больше не считаешь меня аферисткой или сумасшедшей?

— Это уже не имеет никакого значения. — И Тигран доверительно поведал ей: — А ведь я не был сегодня на работе. Прогулял, можно сказать, впервые в жизни. И все из-за тебя.

— Из-за меня?

— А то из-за кого же? Я разыскивал тебя повсюду. Бродил по улицам в надежде случайно встретить. Караулил у своего дома. Вот, пришел в сквер в то же время, на то же место. Фланирую тут уже битый час. И, к счастью, не ошибся.

Он был возбужден, взволнован и мало чем походил на вчерашнего — усталого, ко всему безучастного, человека. Причем преобразился он не только изнутри, но и снаружи. На нем был легкий, тщательно отутюженный костюм и до блеска начищенные туфли, правда успевшие покрыться тонким слоем красной пыли от толченого кирпича.

— Ты ведь зайдешь ко мне, как вчера, правда?

Она предпочла промолчать, руководствуясь врожденным женским лукавством, хотя внутри у нее все ликовало и пело. Боясь, что она может вдруг отказаться, он крепко сжал ее локоть и повел по направлению к дому. И она позволила себя уговорить. Уже в лифте, тревожно заглядывая ей в

глаза, он сказал:

— Ты какая-то другая сегодня.

— Какая же?

— Не знаю... Немного грустная. Немного задумчивая. Неразговорчивая.

— Ты тоже сегодня другой. Вчера ты собирался даже выставить меня за дверь...

— Вчера! Вчера ты обрушилась на меня, как селевый поток, как снежная лавина. Как цунами на папуаса. Не мудрено было потерять голову. Поверишь ли, я не заснул ни на минуту.

— А я ужасно хочу есть, — с очаровательной непосредственностью призналась она.

— Так это же здорово! — обрадовался Тигран. — Значит, мои старания не пропадут даром. Ведь я обежал несколько магазинов — на всякий случай — и приготовил ужин. Ты оценишь мои кулинарные способности.

Отперев дверь, он пропустил ее вперед, совсем не так, как это делал вчера. Девушка сразу заметила, как чисто прибрана квартира, ни пылинки, ни одной разбросанной вещи.

— Можно я сама накрою на стол? — попросила она. — Я так соскучилась по обыкновенным домашним делам.

Тигран с изумлением наблюдал за своей таинственной гостьей, свободно и уверенно ориентировавшейся в чужой для нее квартире. Его

бывшая жена вечно что-то теряла, забывая куда положила, а потом злилась, нервничала. Одиль же легко и грациозно доставала тарелки и приборы, специи и салфетки, безошибочно протягивала руку к хлебнице, за дощечкой и прочими мелочами, не утруждая себя поисками, а его — излишними вопросами, будто она жила здесь со дня своего рождения.

Покончив с приготовлениями, она с улыбкой спросила:

— Я правильно все сделала?

Он лишь руками развел:

— Чудеса да и только!

— Ну какие же это чудеса, — небрежно отмахнулась она. — Обыкновенное женское чутье.

— Да о чем ты говоришь! Ко мне мать раз в месяц приезжает, и всякий раз, готовя обед, изводит вопросами: где это, где то. — О жене он деликатно умолчал.

— Садись у стены на свое привычное место. Так и быть, можешь поджать под себя одну ногу, не стесняйся. А я сяду вот здесь, лицом к окну. — Она специально сдвинула табурет с того места, где раньше сидела его жена.

— О Господи! — пробормотал он озадаченно. — Это тоже всего лишь твое женское чутье?

— Нет. Конечно нет, — улыбнулась она

отрешенно. — Это нечто большее.

— Уж не подсматривала ли ты за мной в подзорную трубу с крыши соседнего дома? Вроде бы больше неоткуда.

Она снова лишь загадочно и грустно улыбнулась.

— Признавайся немедленно! — с шутливой свирепостью потребовал он, хватая со стола кухонный нож: — Кто ты?

— Сам догадайся... если можешь.

— Космическая русалка, приплывшая ко мне из созвездия Рыб! А твой персональный аквариум-ракета висит над крышей моего дома, чтобы, как только я зазеваюсь, умчаться тебя назад, в звездный омут.

Она рассмеялась, отчего лицо ее странным образом еще больше погрузнело.

— Ты даже сам не представляешь, насколько близок к разгадке, мой Фауст, — задумчиво проговорила она, глядя в окно. И, стряхнув с себя что-то, ей одной видимое, весело добавила: — Так ты будешь кормить залетную русалку или позволишь ей умереть голодной смертью?

Она по-детски жадно набросилась на еду. Тигран не спускал с нее глаз. Все в ней удивляло и интриговало его, даже ее неумный аппетит. Правда, он куда охотнее поверил бы в то, что она не ест вовсе и что все, с ним происходящее — лишь



удивительный сон.

Одиль застыла, не донеся вилку до рта, внимательно посмотрела на него и с оттопыренной щекой проговорила:

— Ты снова угадал, мой Фауст. Наша встреча и этот вечер — всего лишь сон, который, увы, слишком скоро кончится. И в то же время, как не странно, явь. — Она проглотила наконец задержавшийся во рту кусок.

Он опешил:

— Ты читаешь мои мысли!?

— ...Не думаю. Наверное, я просто очень чувствительная. К тому же твои мысли написаны у тебя на лице. — Девушка умолкла ненадолго, как бы прислушиваясь к чему-то, ей одной слышимому, и неожиданно спросила: — Ты очень любишь свою жену?

— Почему ты вдруг вспомнила о ней? — вспыхнул Тигран. — Мне нет до нее никакого дела.

— Не лги. Пожалуйста. Себе не лги. Ты всю жизнь любишь ее одну. С первого дня вашего знакомства. Кажется, с института? Только, вот незадача, она так и не сумела этого понять. Потому что ты и сам не понимаешь, как любишь ее.

— Я не понимаю, она не понимает, а ты, значит, понимаешь. По какому такому праву ты вмешиваешься в мою личную жизнь? — Он даже побледнел от негодования, снова превратившись в

прежнего, замкнутого и мрачного, Тиграна, ревностно оберегающего свой мир, свои чувства, свою затаенную боль.

— Прости. Я не хотела. Но только, если бы она знала тебя так, как я, она никогда не ушла бы к другому.

Он посмотрел на нее почти с ненавистью.

— Замолчи! Я запрещаю тебе...

— Не бойся меня. Я всего лишь то, что ты обо мне думаешь: сон, мираж. Ничто. — Она посмотрела на него совсем по-матерински — ласково и покровительственно. И так же ласково улыбнулась. — У тебя сейчас довольно глупый вид. Ты снова решаешь для себя дилему, не выгнать ли самозванку. Потому что ты не знаешь, как себя вести со мной. Но готовишь ты вкусно. Скорее всего воспроизводишь мамины блюда, запомнившиеся с детства.

— Ты как всегда угадала, — криво усмехнулся он, отодвигая от себя нетронутую тарелку.

— Если позволишь, следующий раз обед приготовлю я.

— У нас будет следующий раз!? — поймал ее на слове Тигран.

— Надеюсь. — Она затихла, снова вслушиваясь в себя, и убежденно подтвердила: — Обязательно будет. А теперь мне пора.